

Вдогонку книге стихов

Современных голландцев часто попрекают предками: мол, те были богатырями, von как кистью работали — что большие голландцы, что малые. Попрекают напрасно. Кто бывал в Амстердаме, тот непременно обратил внимание на незашторенные окна жилых домов. Глаз от этих окон не оторвешь: что ни интерьер, то произведение искусства. Искусство гениев-одиночек в современном Амстердаме стало подлинно народным. А родилось подлинно народное искусство благодаря врагам-оккупантам: подозрительный принц Альба (XVI век) запрещал голландцам прятаться за шторами, занавесями, жалюзи.

Лирика — это Амстердам. Эдгар Дега заметил, что художник начинает работу над произведением искусства примерно с таким же чувством, с каким преступник совершает злодеяние. Действительно, книга лирики — это взлом. Поэт распахивает окна, взламывает двери не только своей жизни, но и жизни близких. "Окно открыт, что жилы отворить", — писал Пастернак. Но отворить свои жилы — это одно, а вот чужие...

Однажды полузнакомая официантка в пражском ресторане рассказала мне, за что она бросила мужа в России. Он ей изменял, но не просто изменял, а всякий раз приходил и каялся. Можно подсчитать, сколько у него было кайфов. Во-первых, собственно физиологический, во-вторых, предчувствие раскаяния, в-третьих, сама процедура раскаяния. Лично мне этот тип глубоко неприятен. Но чем-то лирика на него смахивает. Сначала — интимность сочинительства, почти одновременно — предвосхищение публичного жеста, и, наконец, сам жест. Так что поэту не стоит обольщаться в отношении поэзии. Но поскольку она — призвание, то ему ничего не остается, кроме как сжиться с этой маленькой преступницей.

Баллада о ротном

Около семи (вечера)
он начал стричь ногти.
Прежде еще была надежда,
что она придет, и он не стриг.
Щипчики у него классные —
фирмы "Manicare" (подарок друга из Лондона).
Отщипывают с первого укуса.
— Тіки так, — как говаривал его ротный
лет тридцать назад. С гаком.
Точно: "тіки так". Классно отщипывают.
Но кожа у нее... как бы это сказать... отзывчивая.
Лучше не рисковать.
Он всегда держал это в уме.

Держал, держал, а потом уронил.
Задумался? Засмотрелся на кого? Уснул?
И тогда ударило.
— Вдарило, — как сказал бы все тот же ротный.
Пока понятно, о чем речь?
А як же! —
Раз уж переводчик, толкователь
Марсея и ему подобных о ротном вспомнил.
Остроумный был малый, этот ротный.
Однажды один салабон
получил телеграмму о смерти невесты,
так ротный его пожалел:
— Не бери дурного в голову.
Может, и резковато, но по существу — верно.
Разве не так?
Он включил телевизор.
Выключил.
Позвонил мне
и долго не отпускал.

Прости, Максим

Я считаю, что это — хамство.
Она, конечно, нас использовала.
Люди были все свои, отвязанные:
сами кого хочешь эпатируют.
Между белым и красным
она вышла в уборную и, вернувшись в комнату,
обнажила правую грудь.
Что называется, на пустом месте.
(Простите за каламбур.)
Какое нам дело, что у нее там с Максимом (мужем).
При чем здесь мы?
Когда она это сделала,
я тотчас вспомнил, что она левша.
Потому что если бы она была правша,
то обнажила бы левую.
Значит, статистика не ошибается:

среди левшей больше неврастеников.
Но, отвлекаясь от публичного аспекта скандала,
должен признать: сосок ее груди (правой)
выдерживал сравнение с ягодой малины,
которую я первый раз в жизни нашел и сорвал
в буковинском перелеске под Цецино полвека назад
и после снова нашел (прости, Максим)
полвека спустя.

О свойствах страсти

Любовь — это чередование
маленьких нежных подробностей.

Так. Я хочу разобраться. Вслух:
чтоб мне возражали.
Что же получается?
Они (мужчины) похищают девушек
и чаще всего насилуют их,
таким образом уговаривая
выйти замуж.
Пока верно?
В итоге, десятки тысяч жен живут с мужчинами,
которые их изнасиловали.
Живут себе, живут, детей рожают.
Девочек растят. А те сотни тысяч,
которых не изнасиловали,
конечно, знают, что им повезло.
Плодотворная, надо признать, атмосфера.
То-то женщины у них такие смелые:
слова не выжмешь.
А если не насилуют?
Мужчины у них тоже отважные, рискованные:
за девушками не ухаживают.
Снаряжают гонцов, засылают сватов, торгуются издали.
Первая брачная сцена романтическая-романтическая.
Невеста знакомится с мужем в спальне.
Стоит себе незнакомый мужик,
расшнуровывает лаковые туфли,

стягивает носки, хлопает резинкой трусов.
А через час (два часа максимум — для особо чувствительных)
надо вынести гостям окровавленный платок.
Только не говорите мне об особенностях племенной культуры.
Документированных свидетельств
нервных срывов, помешательств, самоубийств и пр. — за глаза.
Почему меня это волнует?
Точно не знаю. Но допускаю.
Разговорился я с одной жертвой.
Вроде нашли общий язык, но стоило найти,
как она не своим голосом запела хвалебную песнь племени.
Так что, не жалеть их?
Действительно не жалеть?
Допустим. Но все равно противно жить в мире,
где десятки тысяч (Господи, миллионы) жен
делят ложе (дурацкое выражение) с мужьями,
с которым познакомились
при попытке (чаще всего успешной) изнасилования.

* * *

В общем,
мне нравилась ее речь,
точнее, ее просторечие
с пряными кореньями
(хрена, пастернака, сельдерея).
Но одна фраза коробила:
"Что ты все перебарщиваешь!".
Было в этом "борще" что-то
обидное, оскорбительное,
к любви — моей любви —
никакого отношения не имеющее.
Где "похлебка из свекольной квашни
с чесноком и свиным салом",
а где — "любовь"?
Я, было, пытался объяснить:
мол, любовь — это и есть перебор,
как ты выражаешься —
"перебарщивание".

Но она не слышала.
Ко времени разрыва
ей словно уши заложило —
один сплошной рот.
В памяти осталась не именем, не запахом,
а членораздельным лаем, горловыми корчами.
Родилась такой или
я руку приложил?

* * *

Надо отдать ей должное:
за любовь она боролась отчаянно. Вроде и не проклинала, а так,
каркала: мятое лицо, старость в окружении диких греков
на берегу, но тусклом, морщинистом, чужом-чужом.
Еще сулила бедность — нет, на вино хватит, но горькое, вкуса
паленой резины.
Что еще? Сын забудет, сочинять бросишь, а если сочинишь,
то коту хвостатому...
Да, боролась отчаянно, жаль только, что со мной.

* * *

Не знаю,
было у вас такое:
ничего не делаешь. Нарочно.
Чтобы жизнь медленно-медленно уходила сквозь пальцы.
Откроешь. Пчел послушаешь.
Понюхаешь. Лизнешь. Дурью помаешься.
Не дай бог: копать, сочинять, читать.
Люблю пустоту. Пустоту жизни.
Какой дурак говорил о ней, кривя губы?!

О снах

Она закричала сразу —
так взмывают боевые вертолеты вертикального взлета,
что ей приснилось, как он прямо на улице
откинул прядь волос со скулы N.,
прижался губами к ее уху

и то ли шептал, то ли делал вид, что шепчет,
а на самом деле вылизывал раковину
этого самого уха.
Потом, нет, не потом, а сходу
она дала затрецину, оплеуху, пощечину, затрецину.
В носу защекоотало.
Вот, вот, — думал он восторженно, —
это и есть архаичное сознание:
никакой границы между сном, явью, поступком.
"Сон — это дверца, ведущая в самые потаенные...
космической ночи... во тьме первобытной..."
Ну, Карл. Ну, Густав. Ну, Юнг!
А по мордасам?!
Надо бы позвонить N.
Сегодня уже не получится, а завтра прямо с утра.
Что если N. тоже смотрела сны, и все совпало.
Между тем из носа хлынула кровь, тоже сразу.
Он открыл морозильник, выковырял кубик льда
и прижал его к переносице.

Прага

